трансфинитных числах, содержащихся в уме Бога. Дж. Даубен утверждает и нечто большее: „В конце концов, Кантор рассматривал трансфинитные числа как ведущие прямо к Абсолюту, к единственной ‘истинной бесконечности‘, величину которой невозможно ни увеличить, ни уменьшить, а только представить как абсолютный максимум, непостижимый в пределах человеческого понимания”. Шкала трансфинитных чисел оказывается в этом смысле своеобразной лестницей на небо, лестницей, ведущей к самому Абсолюту <...> Именно поэтому, считает Даубен, Кантора и не смущали появляющиеся парадоксы теории множеств. Ведь речь шла о божественной Истине, во всей полноте понятной только божественному Уму. Для человеческого же ума, пытающегося схватить эту божественную бесконечность, неизбежно было впадать в противоречия и антиномии...»[20]

Но не только необходимость работать с таким противоречивым объектом, как актуальная бесконечность, приводила математиков к тому, чтобы искать обоснование если не прямо бытия Бога, то некоторых идеальных сущностей. Уже в конце XX века в математике стала вырабатываться система взглядов, которая была названа «математический платонизм». Один из наиболее последовательных ее приверженцев, нобелевский лауреат по физике Роджер Пенроуз писал: «Насколько реальны объекты математического мира? Некоторые считают, что ничего реального в них быть не может. Математические объекты суть просто понятия, они представляют собой мысленные идеализации, созданные математиками — часто под влиянием внешних проявлений и кажущегося порядка окружающего нас мира; но при этом они — всего лишь рожденные разумом абстракции. Могут ли они представлять собой что-либо, кроме просто произвольных конструкций, порожденных человеческим мышлением? И в то же время эти математические понятия часто выглядят глубоко реальными и эта реальность выходит далеко за пределы мыслительных процессов любого конкретного математика. Тут как будто имеет место обратное явление — человеческое мышление как бы само оказывается направляемым к некой внешней истине — истине, которая реальна сама по себе и которая открывается каждому из нас лишь частично <...> Что такое математика — изобретение или открытие? Процесс получения математических результатов — что это: всего лишь построение не существующих в действительности сложных мысленных конструкций, мощь и элегантность которых способна обмануть даже их собственных изобретателей, заставив их поверить в „реальность” этих не более чем умозрительных построений? Или же математики действительно открывают истины уже где-то существующие, чья реальность в значительной степени независима от их деятельности? Я думаю, что читателю должно стать уже совершенно ясно, что я склонен придерживаться скорее второй, чем первой точки зрения, по крайней мере в отношении таких структур, как комплексные числа или множество Мандельброта»[21].

Достоевский относится к математическим объектам так же, как Пенроуз, — он принимает реальность бесконечности, он видит треугольник Лобачевского. Достоевский стремится к последней строгости и аксиоматической точности в рассуждении. Но он остается художником, и его последнее доказательство — это убедительнейшая демонстрация своей правоты в слове, многозначном, ветвящемся, задевающем такие глубины, куда математике входа уже нет.

---

[20] Катасонов В. Н. Лестница на небо (Генезис теории множеств Г. Кантора и проблема границ науки). — В кн.: «Границы науки». М., ИФРАН, 2000, стр. 45.

[21] Пенроуз Р. Новый ум короля. М., УРСС, 2003, стр. 87, 88.